

БОЯРСТВО ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА РЯЗАНСКОГО В НАЧАЛЕ XVI ВЕКА

И. А. Кирпичников

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 28 мая 2020 г.

Аннотация: исследование посвящено истории рязанской боярской элиты на последнем этапе самостоятельности княжества. Рассматривается концепция, согласно которой в Рязани происходила борьба придворных группировок. Предложено альтернативное объяснение кризиса местного двора в первые десятилетия XVI в. Анализируются обстоятельства присоединения Рязанского княжества к Москве.

Ключевые слова: Великое княжество Рязанское, Московское государство, средневековая Русь, XVI век, государев двор, Рязанский уезд, элита, Василий III.

Abstract: the study is devoted to the history of Ryazan boyar elite in the last phase of the Grand Duchy's independent existence. The author examines the thesis that there was an intense struggle between the political cliques within the Ryazan elite and offers an alternative point of view. Ryazan boyars gradually moved to the Muscovite service. The result of this process was the extreme weakening of the Ryazan Grand Ducal Court before the final annexation of the principality.

Key words: Grand Duchy of Ryazan, Muscovy, medieval Russia, 16th century, local elite, provincial gentry, Vasily III.

Великое княжество Рязанское дольше других русских земель сохраняло статус самостоятельного политического образования. Во второй половине XV в. московско-рязанские отношения стабилизировались в форме неравноправного союзничества. Рязанские правители были ограничены в сфере внешних контактов, но сохраняли полноту властных прерогатив в своем княжестве [1, с. 395; 2, с. 154–155]. Такое положение наблюдалось вплоть до начала XVI в., когда в течение двух десятилетий оба рязанских удела (сначала «треть» Федора Васильевича, а затем – «двухтретья» область его племянника Ивана Ивановича) были присоединены Москвой [3, с. 399–400; 4, с. 134–135].

В историографии обстоятельно изучен «геополитический» аспект ликвидации рязанской самостоятельности (см., напр.: [5, с. 240–245]). Значительно меньше внимания уделено внутренней истории княжества на завершающем этапе его существования [6, с. 266–272; 7, с. 108–125; 8, с. 298–301]. Почему присоединение Рязани, где сохранялись традиционные социально-политические институты, не вызвало сопротивления со стороны местного сообщества? Центральным сюжетом настоящей работы является судьба рязанской боярской элиты. Состав этой группы проанализирован в исследованиях А. А. Зимина и С. И. Сметаниной [4; 9; 10].

В первой части статьи обсуждается концепция, согласно которой в Рязани происходила борьба при-

дворных группировок с различными политическими интересами. Во втором разделе предложено альтернативное объяснение кризиса рязанского двора: по нашему мнению, он являлся следствием отъездов боярской элиты на московскую службу. В третьей части работы анализируются обстоятельства присоединения Великого княжества Рязанского к Москве.

Смена лиц на рязанском престоле: преемственность или конфликт?

К моменту смерти рязанского великого князя Ивана Васильевича (29 мая 1500 г.) его единственному сыну Ивану было четыре с половиной года [11, с. 251]. Рязанские акты позволяют установить порядок дальнейшего перехода власти. Выдача документации производилась сначала от имени бабушки Ивана Ивановича великой княгини Анны [12, с. 383, 388], а после ее кончины 7 апреля 1501 г. и вплоть до 1514/15 г. – от имени его матери великой княгини Аграфены [4, с. 135; 8, с. 299–300; 11, с. 253; 12, с. 389].

Рязанское «женское правление» остается недооцененным феноменом в контексте исследования традиций регентства на Руси (ср.: [13]). Великие княгини выступали адресатами службы представителей рязанского двора; от их имени издавались публичные акты; с ними вели переписку Иван III и Василий III [14, с. 365–366, 411–413; 15, с. 18, 93–94]. В московских разрядных записях военачальники из числа представителей рязанской элиты обозначаются как воеводы «великие княгини резанской» [16, с. 68, 76,

79]. Имя Ивана Ивановича в этот период возникает в источниках лишь случайно [15, с. 28; 17, с. 55]. Таким образом, сначала Анна, а затем Аграфена являлись признанными полновластными правительницами Великого княжества Рязанского.

Иван Иванович достиг совершеннолетнего возраста в 1511/12 г. (ср.: [18, с. 15]), однако власть перешла к нему существенно позже: между мартом 1514 г. («речь» Василия III к Аграфене по поводу сопровождения послов) и июлем 1515 г. (приветственная грамота Мухаммед-Гирея к князю Ивану) [5, с. 135–136; 8, с. 300; 12, с. 395–396; 15, с. 93–94, 162]. Исследователи нередко воспроизводят рассказ Герберштейна: Иван Иванович якобы «заключил союз с татарами и силой овладел княжеством, которым [до тех пор] владела его мать» [19, с. 307]. У Д. И. Иловайского свидетельство имперского дипломата оказывается вписанным в общую линию повествования о борьбе двух «партий» внутри рязанской элиты: сторонников (во главе с Аграфеной) и противников (во главе с Иваном Ивановичем) московского влияния [7, с. 119–120]. Соперничество придворных группировок традиционно считается лейтмотивом последнего десятилетия рязанской самостоятельности [20, с. 37–42].

Утверждение, что средневековая элита делилась на фракции, основанные на различных «идеологических» (например, внешнеполитических) установках, – распространенный в историографии логический ход. Однако, как напоминает Н. Ш. Коллманн, подобные интерпретации рискуют оказаться анахроничными [21, р. 13–14]. В рязанском случае изложенная концепция, во-первых, не позволяет объяснить преемственность ключевых фигур великокняжеской думы. Боярин Ф. И. Сунбул фигурирует в актах с 1501 по 1519 г.: он сохранял высокую позицию как при обеих княгинях, так и при Иване Ивановиче [12, с. 370, 388, 391]. М. Д. Кобяков, еще один ближайший советник последнего рязанского князя, впервые упоминается в 1513/14 г. в качестве боярина Аграфены [8, с. 300; 12, с. 395, 396]. Во-вторых, отсутствуют данные, которые могли бы подтвердить сомнительное сообщение Герберштейна о насильственном свержении великой княгини с использованием татарской помощи. Представляется, что для утверждения о борьбе придворных «партий» нет достаточных оснований.

Отъезды в Москву

Следствием усиления московского влияния в начале XVI в. была не внутренняя «идеологическая» конфронтация, а массовые отъезды рязанской элиты. Масштаб этого явления не в полной мере осмыслен в историографии. Только С. И. Сметанина обратила внимание, что на московскую службу перешел целый

ряд представителей видных рязанских фамилий [9, с. 54, 56, 62, 65]. Благодаря разрозненным упоминаниям известно об отъездах В. Ф. Вердеревского, Ф. и М. Денисьевичей, М. Н., Я. Н. и И. В. Измайловых, И. и С. И. Коробьиных, И. И. Тутыхина [15, с. 141–142, 231–233, 619, 622, 629, 668, 671; 16, с. 146, 180–182; 22, с. 552; 23, с. 170–172; 24, с. 269]. При несомненной неполноте источниковых данных этот перечень демонстрирует, что на службе у Василия III оказались выходцы из большинства первостепенных родов княжества.

Отъезды происходили не одновременно; в ряде случаев даже родные братья параллельно служили московскому и рязанскому князьям. Так, И. И. Коробьин ранее 1509 г. отъехал к Василию III, а С. И. Коробьин оставался близким советником Ивана Ивановича вплоть до его задержания в Москве [19, с. 307]. Примечательна судьба М. Денисьевича – боярина и дворецкого удельного князя Федора Васильевича. После присоединения «трети» к владениям Ивана III он вернулся на рязанскую службу и лишь спустя некоторое время оказался в Москве [12, с. 348–349, 353; 15, с. 18; 16, с. 180–182]. Его брат Ф. Денисьевич в грамоте 1516/17 г. упоминается как боярин Ивана Ивановича, но ранее марта 1520 г. перешел к Василию III [12, с. 393; 22, с. 552].

Во второй половине XV в. представители рязанской верхушки, отъезжавшие к московскому князю, получали новые поместья и вотчины в отдаленных уездах и утрачивали связь с регионом происхождения [25, с. 134, 136, 137]. С присоединением к Москве удела Федора Васильевича (ранее 1503 г. [4, с. 135; 17, с. 357–358]) ситуация изменилась. Теперь рязанцы после отъезда сохраняли поземельную и служебную связь со своим краем. Некоторые местные кланы располагали землевладением как на территории «трети», так и в княжестве [23, с. 172]. Можно предполагать, что в условиях частых отъездов из Рязани московские правители особенно тщательно следили за соблюдением права «вольного отъезда». Вследствие этого на землях, оставшихся под контролем рязанской династии, образовывались значительные вотчинные анклавы, хозяева которых отъехали к Василию III (ср.: [26, с. 357]).

На московской службе представители рязанской элиты получали доступ к общегосударственной системе кормлений [23, с. 170–172], но при этом продолжали выполнять привычные функции на территории рязанской «трети». Например, уже упомянутый И. И. Коробьин в 1508/09 г. выступал судьей по земельной тяжбе Солотчинского монастыря [24, с. 269]. Как и прежде, выходцы из первостепенных рязанских родов занимались сопровождением московских южных посольств во главе отрядов казаков и детей боярских [15, с. 141, 231, 619, 668].

В рязанской «трети» была опробована стратегия интеграции, которая после ликвидации княжества стала главной линией московской политики во всем регионе. Представители рязанской верхушки сохраняли свои вотчины и привычный режим местной службы, но при этом были включены в «государев двор» и могли претендовать на доходные должности. Отъезды к московскому князю – наглядное свидетельство привлекательности такой политики. За два первых десятилетия XVI в. рязанская династия лишилась поддержки большинства старых боярских родов, выходцы из которых прагматично выбирали более перспективную московскую службу. Последний рязанский князь мог опереться лишь на узкий круг приближенных, сохранявших ему лояльность. К моменту присоединения Рязани местный двор находился в глубоком кризисе.

Присоединение княжества

Обстоятельства, при которых Рязанское княжество окончательно утратило самостоятельный политический статус, – одна из наименее ясных проблем его истории [3, с. 399–400; 6, с. 268–270; 7, с. 121–122; 20, с. 40–43]. Описанный Герберштейном «арест» рязанского князя [19, с. 307] произошел между 4 июня 1519 г. (последняя по времени грамота, пожалованная от имени Ивана Ивановича) [12, с. 401] и летом 1521 г. (татарский набег) [4, с. 136]. Как известно, силы Мухаммеда-Гирея были отбиты горожанами под руководством находившегося в Переяславле-Рязанском окольного И. В. Хабар. Исследователи по умолчанию приняли идею, что задержание рязанского князя и появление московского окольного в качестве «наместника на Резани» означало ликвидацию княжества как политического образования [5, с. 208–209; 6, с. 269; 7, с. 121, 183]. Такая точка зрения представляется, однако, не вполне убедительной.

Прежде всего, нет достаточных оснований для утверждения, что Хабар был назначен наместником владений рязанского князя. Формально он являлся перевицким наместником [12, с. 402] – носители этой должности и ранее обозначались как «рязанские» (см., напр.: [15, с. 129]). Будучи преемниками «третьего» князя, перевицкие наместники имели право «жить» и «судить наместничь суд» в самом Переяславле-Рязанском [17, с. 335; 27, с. 58]. Следовательно, нет ничего удивительного в том, что Хабар оказался в столице княжества и возглавил ее оборону.

Рязанский двор продолжал существовать и после задержания великого князя в Москве. В разрядах 7028 и 7029 гг. служилые люди разделены на две группы: «а в городе на Резани были Булгак да Федор Денисьевы, да Семен Коробьин, да Стрекайло Измайлов, да князь Ивановы (курсив наш. – И. К.) Клементей да Василей, да Михайло Кобяковы, да Федор Сунбулов»

[16, с. 175, 180–182]. Если в первой части приведены имена рязанцев, которые отъехали к Василию III, то во второй перечислены дворовые Ивана Ивановича, продолжавшие рассматривать его в качестве своего суверена. Именно на этих лиц рассчитывал рязанский князь после побега из Москвы [12, с. 408–409].

Крестоцелование «князь Ивановых» бояр и детей боярских на имя Василия III произошло в ходе татарского набега. За этот короткий период рязанские служилые люди, как рассказывал впоследствии Ф. Ф. Сунбулов, принесли две присяги. Формулировка первой предписывала «бесхитростную» оборону города против крымского «царя». Второе крестоцелование предполагало отказ от лояльности Ивану Ивановичу, бежавшему из московского заточения, и признание своим сувереном Василия III («государем вам князя Ивана не назвати, а государь вам князь великий Василий Иванович») [там же, с. 407]. Только в момент принесения второй присяги рязанский великокняжеский двор окончательно прекратил свое существование: адресатом службы всех местных чинов стал московский правитель.

Кризис рязанского двора не был вызван борьбой группировок элиты – он являлся закономерным следствием изменения московской политики. Присоединение Иваном III удела Федора Васильевича, прямо противоречившее междукняжескому договору 1496 г. [17, с. 333], необратимо нарушило равновесие в регионе. Династическое единство рязанских земель было разорвано, и сувереном «трети» стал значительно более сильный правитель. Прежние издержки, связанные с отъездом, исчезли: теперь рязанцы сохраняли вотчинное землевладение, социальные связи и служебные обязанности. Большинство рязанских боярских родов, многие поколения которых служили местной династии, быстро перешли на более привлекательную московскую службу. Аналогичный процесс – вероятно, сопоставимый по масштабам – имел место в последние годы тверской самостоятельности [26, с. 356–369]. К концу второго десятилетия XVI в. при перевицком наместнике сложилась представительная группа рязанской элиты, фактически составлявшая альтернативу двору Ивана Ивановича.

Задержание последнего рязанского правителя в Москве не стало моментом окончательной ликвидации княжества как политического образования. Остатки великокняжеского двора – «князь Ивановы» бояре и дети боярские – продолжали существовать и после этого события. Возможно, поначалу в Москве не было ясного представления о том, что делать с этими служилыми людьми. Кризисные обстоятельства татарского набега ускорили решение данной проблемы: рязанцы, не оказав сопротивления, были

приведены к крестоцелованию окольничим Хабаром. Символическим эпилогом рязанской самостоятельности стало прозвучавшее в ходе розыска обещание Д. Ф. Сунбулова «прямо служить» Василию III и «накрепко поотведать» Ивана Ивановича, если тот еще жив [12, с. 407].

ЛИТЕРАТУРА

1. Назаров В. Д. Рюриковичи Северо-Восточной Руси в XV в. (о типологии и динамике княжеских статусов) / В. Д. Назаров // Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и раннее Новое время. – М., 2010.

2. Лаврентьев А. В. После Куликовской битвы. Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV – первой четверти XVI вв. / А. В. Лаврентьев. – М., 2018.

3. Дедук А. В. Московско-Рязанское порубежье XIV – начала XVI в. : методика локализации : дис. ... канд. ист. наук : в 2 т. / А. В. Дедук. – М., 2018. – Т. 2.

4. Зимин А. А. Феодалная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV – первой трети XVI века / А. А. Зимин // История СССР. – 1973. – № 3.

5. Зимин А. А. Россия на пороге нового времени (очерки политической истории России первой трети XVI в.) / А. А. Зимин. – М., 1972.

6. Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. / А. Г. Кузьмин. – М., 1965.

7. Иловайский Д. И. История Рязанского княжества / Д. И. Иловайский. – М., 2008.

8. Каштанов С. М. Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси / С. М. Каштанов. – М., 2014.

9. Сметанина С. И. Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству / С. И. Сметанина // Архив русской истории. – М., 1995. – Вып. 6.

10. Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. / А. А. Зимин. – М., 1988.

11. Полное собрание русских летописей : в 43 т. – СПб., 1901. – Т. 12: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью.

12. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. : в 3 т. – М., 1964. – Т. 3.

13. Кром М. М. Институт регентства на западе и востоке Европы / М. М. Кром // Образы прошлого : сборник памяти А. Я. Гуревича. – СПб., 2011.

14. Сборник Русского исторического общества : в 148 т. – СПб., 1884. – Т. 41: Памятники дипломатических сношений Московского государства с азиатскими народами : Крымом, Казанью, Ногайцами и Турцией, за время Великих Князей Иоанна III и Василия Иоанновича.

15. Сборник Русского исторического общества : в 148 т. – СПб., 1895. – Т. 95: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Ногайцами и Турцией.

16. Разрядная книга 1475–1605 гг. : в 3 т. – М., 1977. – Т. 1, ч. 1.

17. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. – М. ; Л., 1950.

18. Сметанина С. И. Новый документ о пребывании рязанского князя Ивана Ивановича в Литве / С. И. Сметанина // Русский дипломатарий. – М., 2000. – Вып. 6.

19. Герберштейн С. Записки о Московии : в 2 т. / С. Герберштейн. – М., 2008. – Т. 1.

20. Пенской В. В. «Центурионы» Ивана Грозного. Воеводы и головы московского войска второй половины XVI в. / В. В. Пенской. – М., 2017.

21. Kollmann N. S. The boyar clan and court politics : The founding of the Muscovite political system / N. S. Kollmann // Cahiers du monde russe et soviétique. – 1982. – Vol. 23. – № 1.

22. Сборник Русского исторического общества : в 148 т. – СПб., 1882. – Т. 35: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством в царствование Великого Князя Ивана Васильевича.

23. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века : в 4 т. – М., 2008. – Т. 4.

24. Сметанина С. И. Вотчинные архивы рязанских духовных корпораций XIII – начала XVII вв. / С. И. Сметанина // Русский дипломатарий. – Вып. 6. – М., 2000.

25. Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в. : дворянские фамилии Рязани (публикация Л. Е. Шабалева) // Российская генеалогия. – М., 2018. – Вып. 3.

26. Клюг Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.) / Э. Клюг. – Тверь, 1994.

27. Опись архива Посольского приказа 1626 года : в 2 т. – М., 1977. – Ч. 1.

Московский государственный университет имени
М. В. Ломоносова
Кирпичников И. А., аспирант
E-mail: ivkirs@mail.ru

Moscow State University named after M. V. Lomonosov
Kirpichnikov I. A., Post-graduate Student
E-mail: ivkirs@mail.ru